

безвідповідальність, індивідуалізм, комфорт. Адже важко уявити собі ту правову реальність, що ґрунтуватиметься на них. Як має корелюватися образ людини і образ права, якщо антропологічними рисами права повинні бути інтенціональність, визнання, орієнтованість на іншого, а природою теперішньої людини є абсолютна сконцентрованість на собі? Яким може бути образ права, досягнутий шляхом іронічної деконструкції? Сумнівним уявляється також правопорядок у суспільстві, коли суб'єкт керуватиметься не вищими моральними цінностями, а особистим інтересом і ситуативною доцільністю, самостійно створюючи правовий прецедент як закон-для-себе.

Отже, враховуючи обставини переоцінювання цінностей і концептуальні парадигмальні зміни в галузі юриспруденції та філософії права, слід зазначити, що багато питань правового виховання залишаються відкритими, оскільки правова культура і виховання не можуть бути не причетними до проблем моралі і ціннісної орієнтації особистості.

Н. И. Сатохина, кандидат юридических наук

СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ЦЕЛЬ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Признание человека, его прав и свобод наивысшей ценностью и цель гуманизации юридической практики в целом актуализируют герменевтико-экзистенциальные исследования в юриспруденции, в которых в центре правовой реальности оказывается не норма, а фигура субъекта права. В рамках такого подхода правовая реальность рассматривается как непрерывный процесс воспроизведения правовых смыслов в коммуникации между субъектами. Поэтому основной целью правового воспитания следует считать формирование субъекта права – автономной правовой личности как субъекта воспроизведения правовой действительности.

В рамках герменевтической философии права, представленной такими именами, как Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, А. Кауфман, В. Гассемер и др., право не является сводом правил, оно не заложено в готовом виде в норму и не может быть оттуда извлечено. Осуществляясь в правоотношениях, оно всегда динамично, исторично, процессуально. Так, А. Кауфман отмечает, что право исторично в аналогичном человеку смысле: оно должно постоянно осуществляться, чтобы прийти к самому себе. Не существует готового права, но во все времена происходит его становление. Вхождение же права в бытие опосредовано личностью как источником правовых смыслов. Иначе говоря, право проживает свою жизнь как цепочка интерпретаций, где каждое новое «прочтение» изменяет как горизонт «читателя», так и значение феномена благодаря явлению, которое Х.-Г. Гадамер назвал «историей воздействий»:

история воздействует на определенное сообщество интерпретаторов, т. е. на специфическую традицию, например, толкования отдельных правовых норм. Новый интерпретатор, который пытается понять смысл нормы, пребывает в новой ситуации и с новым «предпониманием», чем исторически более ранние интерпретаторы.

В свою очередь вынесение правового решения представляет собой не результат борьбы традиции и критики и не слепое следование первой, а скорее слияние с традицией как непрерывный процесс ее приближения через критическую рефлексию.

Таким образом, онтологический статус права не может быть стабилизирован и схвачен в своей определенности. Осуществление права предстает как постоянно воспроизводимый поиск правильного решения в конкретной ситуации, творческий акт включения в осуществление традиции, причастности к общему смыслу. При этом следует констатировать принципиальную невозможность завершеного взгляда на определенную завершенную последовательность событий, что могло бы гарантировать «последнее слово» интерпретатору. Соответственно мы вынуждены отказаться от гипостазирования Права как завершенной, раз и навсегда установленной меры свободы и равенства. Это не означает отказа от всякой возможности высказывать суждения относительно «истинного» права, но дополняет свободу говорить принятием ответственности за собственное место в этом «говорении». Проблема истины тут может быть взята в скобки, а на первый план выходит сама возможность понимать и высказывать суждения исходя из историчности собственного существования. Вопрос, на который надлежит дать ответ судье, всегда задается уникальной ситуацией, а значит, принятие им решения всегда является творческим интерпретационным актом, в котором истина в строго эпистемологическом смысле концептуально невозможна. В свою очередь правовая традиция пребывает в процессе постоянной реинтерпретации и реконструкции, в ходе которых право воспроизводится в конкурирующих прочтениях, даже если они гипотетические и не представлены в действительности позициями сторон. В этом смысле традицию права вслед за Дж. Ваттимо можно понимать как бесконечный исторический процесс конфликта интерпретаций, в котором разные интерпретаторы пытаются занять доминирующую позицию по отношению к другим.

Следовательно, обращение к герменевтическому подходу позволяет не только уточнить роль человека в осуществлении права, но и расширить круг таких субъектов. Субъект осуществления права и воспроизведения правовой реальности – это не только лицо, уполномоченное выносить правовые решения. Осуществляет право также всякий субъект, который предлагает собственное понимание традиции и таким образом модифицирует ее, независимо от того, интерпретируется правовая традиция в свете реального судебного дела судьей или в контексте гипотетической, смоделированной ситуацией законо-

дателем, учеными или студентами. В любом случае происходит продуктивное воспроизведение смысла правовой традиции, которая в своем обновленном виде становится основой для дальнейших интерпретаций. Так ответственным за этот смысл наряду с законодателем и судьей становится каждый, кто интерпретирует правовую традицию и высказывает свою позицию для других. При этом имеется в виду ответственность не только в монологическом смысле (за что), но и в коммуникативном (перед кем) как совместная ответственность всех членов интерпретационного сообщества. Так герменевтическая философия права открывает возможности для переосмысления роли субъекта в осуществлении права и, таким образом, формирования нового по стилю и качеству правового мышления, основанного на этике ответственности.

Для прояснения герменевтического представления о субъекте права может быть использована метафора «проживания в вавилонской библиотеке» Х. Борхеса. Библиотекарь обладает компетентностью не потому, что имеет прозрачное знание о содержании всех книг, но поскольку ему ведомы основные принципы, которым подчиняется содержание любой книги, что несоизмеримо с компетентностью посетителя библиотеки, имеющего лишь навык поиска в каталоге. Так, субъект права способен воспроизводить правовые смыслы и нести ответственность за это не в силу знания содержания норм, а потому что обладает критерием для их оценки, что обеспечивает функционирование рефлексивного механизма в принятии решений. Соответственно содержание правового образования и правового воспитания в целом требует уточнения в направлении смещения акцентов с изучения существующего законодательного массива на комплексное осмысление и усвоение общих принципов права как критериев интерпретации правовой традиции, расширения философской составляющей правовоспитательного воздействия.

О. М. Литвинов

ПРАВОВЕ ВИХОВАННЯ У КРАЇНАХ «ВТОРИННИХ» КУЛЬТУР

Якщо правове виховання розглядати як відповідний аспект процесу виховання взагалі, тоді сенсовий акцент має бути на понятті «виховання». Адаптаційний сенс «правового» конститується у «соціальному» («соціалізація – головний чинник правового виховання» – О. Дзьобань), такий же сенс «виховання» – у «культурному» (В. Малахов). Культура «як спосіб людського буття» (В. Іванов) природним чином є «креативною» (М. Каган), але ступінь креативності, як то вимагають умови адаптації, внутрішні інтенції культури тощо, є різними та залежними від інших якостей культури, якщо її розгляда-